

Иван Великий — текст 1 из 2

Ранней весной, накануне света и тепла, бывают в природе печальные дни, они грустнее, чем осеннее время. Темная земля бывает уже обнажена для солнца, но солнце еще бессильно согреть ее сквозь серый холодный покров облаков, и земля прозябает в унылом терпении. В эти дни кажется, что весна и лето еще будут не скоро и до них не доживешь.

В такой именно скучный день над пустым весенним полем шел артиллерийский бой. Наша пехота безмолвно таилась в траншеях, отрытых еще немцами, когда они занимали этот рубеж.

Обычно враги обстреливают из пушек свои оставленные рубежи, понимая, что мы можем поселить своих солдат в траншеях, отрытых прежде немцами. Но мы, понимая немцев, обычно не расселяем свои войска в траншеях, оставленных противником. А когда немцы, проведав об этом, перестали обстреливать оставленные траншеи, считая их пустыми, мы начинали иногда пользоваться ими.

Командир роты старший лейтенант Юхов наблюдал из-за укрытия работу огня. Темная, безродная в это время года земля вскрикивающим, не своим голосом отзывалась на ревушие удары пушек. Никого не было сейчас на земле меж нами и противником. Только редкая прошлогодняя былинка, уже окоченевшая в смерть, еще подрагивала от сотрясения воздуха, однако она была уже не жилища на свете. Но одно странное существо спокойно брело по той пустой, никем сейчас не обитаемой земле. Юхов всмотрелся в отдаление. По земле тихо шла маленькая серая русская лошадь. Над нею неслись пронзающие воздух воюющие снаряды, и огонь разрывов блистал справа и слева от нее, а лошадь шла понемногу вперед по этому коридору войны. Старший лейтенант взял бинокль и подробно разгляделдвигающуюся лошадь. Глаза ее были полузакрыты в утомленной дремоте, плечи и холка потерты, и круп иссечен в полосы высохшей черной крови. Брюхо лошади впало внутрь от голода и работы, всосанное оставшимся тощим телом вместо еды, и весь скелет лошади словно уже прорастал наружу сквозь ее пораненную тягостной работой, истертую упряжью, изрубцованную кожу. Уставшее предсмертной мукой животное брело меж пушек, бьющих встречным огнем поверх ее изнемогшего тела.

Один немецкий снаряд разорвался меж нашей передовой линией и одинокой лошадью. Лошадь припала на передние ноги и осталась на месте, готовая умереть.

К старшему лейтенанту Юхову подошел по ходу сообщения старшина Иван

Гурьевич Петров.

Скоро на дело пойдем, товарищ старший лейтенант? спросил старшина Петров.

Жду сигнала, старшина, сказал командир. Как у тебя люди?

Люди живут нормально, товарищ старший лейтенант... Это что же там немцы нашу лошадь замучили в обозном тягле, а теперь помирать ее бросили?

Стало быть, так, старшина, ответил Юхов. Она ослабла, и немцы отпрягли ее при отступлении, а бывает, что и отпрягать некогда, тогда рубят построшки, лошадь падает, и ее затапывают. Видал такое?

Все видал, товарищ старший лейтенант, на войне живу, произнес старшина. Жалко скотину.

Пушечная стрельба стала замирать, но привычные к пальбе офицер и солдат уже и прежде не вслушивались в работу артиллерии и внимательно наблюдали за лошадью.

Сигнала к выступлению пехоты все еще не было, и Юхов решил, что наша артиллерия стреляла, может быть, для отвлечения противника, а немецкая только отвечала ей, сам же наступательный бой назначен нашим командованием в другом месте.

Серая русская лошадь, припав на передние ноги, по-прежнему неподвижно находилась на промежуточном пустом пространстве. Но и задние ноги ее уже начали слабеть и тоже медленно сгибались, пока вся лошадь не прилегла к материнской поверхности земли. Голову свою лошадь покорно положила на передние согбенные ноги и смежила глаза.

День теперь ободнялся, стало светлее, чем было, и многие красноармейцы роты Юхова наблюдали из окопов за умирающей лошадью. Старые солдаты понимали, что особо остерегаться немцев тут нечего: у немцев здесь был только артиллерийский заслон да жидкая пехота из старых возрастов тут были те немецкие солдаты, которые уже оплакали своих погибших сыновей, а теперь сами пришли на место их и скучают по оставленным внукам. Но любой немец, пока он не убит, он живет всегда обиженным, что весь свет еще не принадлежит ему и все добро мира он еще не снес в одно место, к себе во двор. Красноармейцы давно знали это природное свойство немцев жить лишь им одним на земле, убивая всех прочих людей, и потому красноармейцы были с неприятелем всегда осмотрительны.

И теперь они тоже лишь осторожно и изредка поглядывали на погибающую лошадь, хотя и крестьянское сердце болело по умирающей кормилице-работнице. Да и на войне лошадь тоже находится при деле, ей тоже есть тут своя обязанность: где ни одна машина не пройдет, там конь проберется рядом с солдатом. А когда скучно и трудно солдату, он поглядит в добрую морду лошади, скажет ей: И ты со мной терпишь? Давай вместе до

победы, и тогда легче станет солдату.

Еще не вовсе старая скотина! сказал боец Никита Вяхирев соседу, Ивану Владыко. От нее еще польза должна быть.

Пожилая только, ответил Иван Владыко, наблюдая изнемогающую лошадь. Работать бы сполна можно на ней, если тело ей дать и ласку добавить, у лошадей сердце большое, они всё чувствуют.

Ефрейтор Прохоров полагал, однако, иначе:

Нету, с этой скотиной делать боле нечего с ней забота не окупится. Если уж немцы ее бросили и шкуру с нее не содрали в пользу хозяйства, значит, уж загнали скотину до самых жил и жилы в ней посохли.

Беда с немцами, сказал усатый красноармеец Свиридов, доброволец с начала войны. Ишь как скотину работой вымолотили, аж остья костей из нее наружу выпирают. Им что лошадь же наша, русская...

Им все нипочем, сказал Иван Владыко. Землю порвали огнем, обгадили сквозь, молочных и стельных коров под нож и на закуску поели, пахотных тягловых коней по всем дорогам замертво положили. К спеху под корень надо немца кончать, гной из него вон!

Солдаты умолкли и задумались, стоя в земле лицом к противнику, освещенные робким светом весеннего смутного неба. Лошадь умирала долго перед ними. Ее терпеливое рабочее сердце в одиночестве билось сейчас против смерти. И, поглядывая изредка в бинокль, старший лейтенант Юхов долго наблюдал, что лошадь еще живет и не умирает; иногда она приподнимала голову и затем вновь поникала ею, иногда дрожь страдания проходила по ее телу, и она шевелила обессилевшими ногами, пытаясь подняться и снова пойти по земле.

Сон долгой и вечной смерти медленно остужал все ее существо, но теплая сила жизни, сжимаясь, еще длилась в ней и стремилась в ответ гибели. Один раз лошадь вовсе приподнялась в половину своего роста, но затем неохотно опустилась вновь. Она не хотела умирать, она хотела еще ходить по земле, чтобы пахать землю и тянуть военные повозки, утопая почти по грудь в тяжелой, сырой земле. Она, должно быть, на все была согласна; она согласна была повторить всю свою трудную прожитую участь, лишь бы опять жить на свете. Она не понимала смерти.

Красноармейцы глядели на эту мученицу работы и войны и понимали ее судьбу.

Не понимает, оттого и мучается, сказал Свиридов. И пахарем была, и на войне служила, а все ж не человек и не солдат.

Она душой не мучается, она только телом томится, сказал Иван Владыко.

Мучается, подтвердил Свиридов, потому что смерти боится, в ней сознания мало. А без сознания всякое дело страшно.

Довольно тебе, строго сказал старшина Петров. Сколько там в ней сознания, мы не знаем, ты видишь она кончается, а раньше землю в колхозе на нас пахала... А что нам полагается знать? А ну, кто скажет важное что-нибудь, что нужно солдату знать?

Важное, товарищ старшина? переспросил Владыко. Нам тут коня стало жалко...

Коня пожалели? произнес старшина. Верно жалеешь, солдат. Это наш конь и земля наша, повсюду тут наша родина, жалей и береги ее, солдат... А что-то здесь птиц наших не слышать весна уж, а птиц нету?.. Чего-то я птиц не слышу!

Дальше вперед уйдем, тогда позади нас в тишине и птицы объявятся, товарищ старшина, сказал Никита Выхриев. А то мы огнем дюже шумим.

Иван Владыко знал важное в жизни солдата, самое важное в ней, потому что ему приходилось переживать и чувствовать это важное, но он не мог бы сказать сразу и ясно, что это такое. Он молча поглядел вперед. Лошадь лежала на поле, умолкшей и неподвижной.

Командир роты Юхов теперь уже и в бинокль не мог рассмотреть ни одного слабого движения ее жизни.

В вечерние сумерки Юхов позвал к себе старшину и Ивана Владыку. Он сказал им, что нужно было бы посмотреть ту лошадь поближе она ведь не убита и только замерла от слабости; может быть, она еще жива, и тогда ее следует оттащить на нашу сторону, подстелив под ее тело рогожки и мешки, чтобы не вредить напрасно ее кожу о землю. А на нашей стороне ее можно будет выходить и определить в обоз батальона пусть еще повоюет нам на помощь.

Товарищ старший лейтенант, разрешите, я сперва один подберусь к тому коню, попросился Иван Владыко. Как за вечерееет вовсе, я к нему доползу и послушаю, есть ли в нем дыхание. Если дыхание в нем осталось, я тут же ворочусь и ребят на помощь возьму.

Действуйте. Это лучше, согласился Юхов.

Как ночь стемнела, Иван Владыко осмотрел автомат, взял гранату и пошел припадающей перебежкой к лежащей лошади.

Незадолго до нее он лег и пополз, потому что ему послышалось, что лошадь стонет, но он не поверил, что лошадь еще так сильно жива, что может громко стонать, и стал остерегаться.

Во тьме, приблизившись к самому телу коня, Иван Владыко снова явственно расслышал его томящийся стон. Иван вслушался и различил долгое, трудное дыхание лошади и шепот человеческих голосов.

Иван взялся было за гранату, но раздумал ее метать: он побоялся вместе с

неприятелем умертвить свою лошадь.

Желая точнее понять обстановку, Владыко осторожно приподнялся и увидел мгновенный свет впереди, ослепивший его. Над его телом, вновь приникшим к земле, пошли очередью длинные пули. Иван Владыко слушал их и боялся, что он погибнет сейчас, погибнет в жалости и страхе, не почувствовав более себя еще раз во всю силу, каким он был по правде. Он вспомнил про атаку и рукопашный бой, что был третьего дня. Он шел тогда в цепи своего взвода; он видел, как пали замертво от его автомата два немца, а третьего он сразил вручную ложем своего оружия, находясь уже в тесноте навалившихся на него врагов. Он понял в тот час, что там и будет его смерть; однако в то время он почувствовал не страх или сожаление, но счастливое важное сознание своей жизни и спокойную праведность на сердце. Иван Владыко вышел из того боя невредимым, навеки запомнил свое важное сознание солдата в то краткое смертное время сражения, хотя и не мог ясно рассказать о нем сегодня старшине.

Иван Владыко, выждав, пока прекратилась автоматная очередь, вскочил в рост с гранатой в руке и бросился вперед. Два темных врага встали против него из-за тела лошади. Они кратко, без веры выстрелили во мрак, но Иван уже был подле них и с удовлетворенной яростью схватил одного противника за душу, за горло под скулами, а в другого бросил гранату с неотпущенной чекой. Тогда враги его не могли и не захотели более драться.

Кидай оружие туда, в ночь! приказал Иван противникам, но они не поняли его, и тогда Иван сам отобрал и бросил их автоматы прочь во тьму.

Иван, тихо сказал один немец.

Иван Владыко знал, что немцы всех красноармейцев называют Иванами и вся Красная Армия для них один великий Иван.

Я Иван Владыко! ответил он пленникам. Сидите пока что смирно.

Иван Великий, произнес немец неправильно фамилию.

Владыко склонился к морде коня и послушал у его ноздрей дышит ли он еще или уже скончался. Слабое редкое тепло исходило из его ноздрей, он еще был при жизни.

Выходим его обратно, решил Владыко.

Затем он повел руками по шерсти лошади и присмотрелся к ней. Глаза его уже привыкли к ночи, и он видел ими. В одном месте, у крестца на шее, шкура лошади была надрезана и завернута наружу, и тощая сухая кровь непрерывно сочилась оттуда. Владыко понял, что немцы начали драть коня на шкуру и оттого конь застонал, чувствуя жизнь от боли.

Зачем же вы коня живого драть начали? сказал Владыко немцам. Везде вы свою пользу ищете. Глядите, как бы убытка вам кругом не нажить...

Сигнальная ракета засветилась над русским рубежом, и безмолвная пехота

пошла цепями вперед.

Наша атака, понял Иван Владыко. Теперь коня тревожить не надо, он сейчас будет на нашей стороне. Мы его выходим помаленьку, пусть пока повоюет, а после войны, жив будет, на подсобную работу в крестьянство пойдет. Ничего, все будет нормально, мы все тогда отдышимся...

Иван Владыко прислонился щекою к шее коня и почувствовал, что в нем есть еще неостывшая глубокая теплота.

Немцы осторожно тронули красноармейца за рукав; Иван Великий обернулся к ним и увидел, что они дают ему два ножа, которыми они хотели ободрать живую лошадь.

Воины! подумал Владыко, спрятав трофейные ножи за голенище. Двумя ножами меня сразить не могли. Хотя им что же: смысла нету! А без смысла на войне нельзя.